

КАТЯ И АРТЕМ

90 ПСАЛОМ ("ТЫ")

С Артёмом Сергеевым меня познакомила девушка Катя. Чтобы её представить, посмотрите на двух очаровательных существ на этой моей странице: одна, толстуха, дымящая как паровоз из начала века, в шалмане «Голубой Дунай» на золотоносном прииске Артемовском, а чуть ниже фотография барышни, читающей в библиотеке философа Лосева. Теперь надо включить художественное воображение, и перемешать девчонок в одно целое. Получится Катя. (В скобках. Именно так поступил в своё время обожаемый Лев Николаевич в «В. и М.» - он «перетёр» в ступе двух сестёр Берс, Татьяну и Софью. Получилась Наташа Ростова. Сам рассказывал, правда, не мне одному – всем.)

Катя была чертом в юбке. У нее был жених в Германии, мэр одного небольшого городка. Она с ним «постепенно расставалась». Он звонил каждое утро, часов в 6 – 7, будя нас. Катя охотно отвечала, что им надо расставаться, отвыкать друг от друга. Поэтому, она не возражала, чтобы он и дальше будил нас.

- Ты что! – Озабоченно говорила она мне. – Это же такой стресс! Надо, чтобы человек постепенно пришел к мысли, что мы уже никогда не будем вместе. Пусть звонит. Да и тебя это заводит...

Она очень чутка ко всякого рода несправедливостям. Она любит людей. Но общество в целом ей не нравится. Катя продукт так и оставшегося недоразвитым российского социализма, попытавшегося стать какой-то хреновиной, которую и капитализмом назвать было трудно. И у девушки, довольно умной, кстати, в голове был хаос. Ну и плюс ее странные отношения к сексу, любви, дружбе. Она все делала серьезно. У нее не было полутонув. И от этого иногда хотелось спрятаться за ближайший угол. В общем, это был спорт смелых.

- Ты его не любила, что ли? Зачем тогда стала невестой? Мужик ведь что-то себе там думает.

- Перспектив никаких. На будущее. Он здесь жить не будет, я – там.

- А почему ты там не будешь?

- Смерти моей хочешь? Учти, это я дома такая добрая. А в Германии стала бы новой Ульрикой Майнхоф, командиршей из «Красной Армии». Слышал?

Я слышал, конечно. Девушка в 70 годы немало душ загубила, бунтуя против власти.

- Да что ты к нему прицепился? Потом, польза, будит каждый день.

Возражать Кате трудно. Ну, или бессмысленно. Как и многое в этой жизни. Для того, чтобы её убедить в чём-то, надо, для начала, переделать общество, государство, и, немного, человека. В общем, один я не потяну.

А она, кстати, пытается. Первый раз я это понял, когда она попросила помочь ей купить продукты на рынке. Она надела самый открытый сарафан, который я когда-либо видел. Её пятый размер стал почти невыносим для взгляда простого смертного. Длинные ноги были видны от самого того места, из которого растут. Ну, короче говоря, полный край. На улице мужики отшатывались, и глядели вслед. Практически все. И не верьте, граждане, что это вызывает в вас, её спутнике,

гордость. Того и гляди, у кого-нибудь крышу сорвет, и придется драться. А куда денешься?! Сплошной дискомфорт.

Примерно так и получилось на том рынке. Но только в Катиной версии. Но это понятно. Рядом с ней своя, оригинальная, редко прокатывает. Ладно. За ней просто не успеваешь.

- Ты иди покупай овощи. А я фрукты, - распределила Катя.

Ну и, конечно, через каких-нибудь пять минут, какой-то узбек-таджик уже перся в ее кильватере, заодно вещая о своих мужских достоинствах и несметных богатствах.

- Ти, женщина, ничего не купи... ти, женщина, возьми все у меня... не надо платить... только поцелуй Карима...

Поскольку Катя не обращала на Карима внимания, он решил перейти от слов к делу. (Слющай, совсем ума нет у этих «понаехали...» Да ладно, ума. Элементарного инстинкта самосохранения нет).

А нет, так терпи.

Короче говоря, как только его немытая сто лет лапа коснулась атласного плеча, Катя, лет десять профессионально занимавшаяся баскетболом и теннисом (потому в ее накачанном теле не было и грамма жира, одни мускулы, поначалу немного непривычно было, но потом даже нравилось), развернулась, и дала Кариму хорошую затрещину. Он упал и заверещал, как баба.

- Ти сук... я тебе разорву... башку резать...

Однако с земли не вставал. Подошли двое охранников рынка.

- Ну что, славяне. Продались этим уродам, - сказала им Катя, - на вашей территории русскую девушку оскорбляют действием, а вы делаете вид...

- Уймитесь, женщина, - угрюмо пробормотал один из охранников, - вы бы еще в купальнике сюда пришли.

- Ладно. Значит, вот как охрана рынка защищает покупателей. Ну что, вечером Арсений Иванович уже будет знать об этом...

- Ти блядь...- продолжал верещать Карим, - ти плеткой будишь у миня бить...

Но охранники уже смотрели на него с отвращением. Арсений Иванович был директором рынка. Катя знала их имена отчества, этих директоров, наизусть. Хотя, конечно, ни с одним знакома не была. Я потянул ее.

- Вы идите, - сказал охранник, - не надо Арсения Ивановича пустяками грузить. Сейчас мы с Каримом поговорим.

Уходя, я оглянулся. Они били Карима своими дубинками. Катя шла вперед, светясь, и не оглядываясь.

- Все это попахивает дискриминацией, - неосторожно брякнул я.

- Да я знаю, отчего ты злишься, - лукаво поглядела на меня Катя, - не успел к раздаче, все без тебя произошло. Это, милый мой, классический, незамутненный гендер.

- Что - гендер?

- А вся эта смешная история. Включая твою досаду. И я проявила абсолютно социально-конструктивистский подход в ходе его интерпретации. Это, если хочешь, был тестовый анализ доминирования.

- Сломала жизнь Кариму!

В ответ Катя смеялась каштановым низким смехом.

Но, кроме смеха, иногда с ней было опасно. Ну вот кто мог подумать, что форс-мажор застанет нас в зале Чайковского на Маяковке. Катя потащила меня туда слушать Кубанский хор живьём. Мы сидели на балконе. И бес толкнул меня под руку. Внизу, в партере, я увидел лысину Геннадия Зюганова. Аккурат под нами. А бес толкнул в том, что я, не подумав, показал её Кате. Хор был тут же забыт.

«Маруся раз-два-три...» гремела уже не для этой ненормальной девушки. Она неотрывно глядела вниз. У меня сосало под ложечкой. Потом она спросила меня.

- Как думаешь, какова вероятность попадания? В процентном отношении?

Катя была кандидатом филологических наук. Диссертацию защищала по каким-то нестандартным суффиксам. Но ни разу за всё время общения она о них не вспомнила. Её интересовало общество, скрытые процессы, течения, мейнстрим. Когда-то она пересеклась с коммунистами. Теперь, при упоминании нынешних продолжателей дела Ильича, Катя бледнела. Она считала, что на данном историческом отрезке, это самая поганая партия. Поскольку предала всё, чего, по её мнению, достигли те, настоящие, коммунисты. И сейчас она сомневалась: если плюнет, попадет или нет в лысину Председателя. Я сказал, что мне не хватает воздуха – был август, и в зале действительно было душно. Катя всполошилась и потащила меня на улицу. Там я, уже смеясь, пересказал ей отрывок из прозы Довлатова. У него двоюродный брат пописал с крыши на директора школы, ни с того, ни с сего. Директор бегал по двору и орал: «Да я вас всех бушлатом по зоне загоняю!»

- Господи! - Грустно вздохнула Катя. – Прямо какой-то вечер упущенных возможностей! Слушай, давай вернемся, пока недалеко...

- Эк тебя! Что, уж так не нравится Зюг, что обязательно надо плюнуть на его лысину.

- Не нравится – это не моя категория. Он отступник и подлежит обструкции. Эмоции здесь не причем. И потом, почему – плюнуть? Ты же предложил более эффективную модель наказания.

- Ниче я тебе не предлагал, - испугался я.

- Слушай, ну давай, вернемся, и ты сделаешь это. Народ тебя на руках носить будет. Это же будет мощное электоральное событие. Даже не просто событие, переворот. С неделю будешь просто ньюсмейкером, потом начнутся другие подвижки. Жизнь по другому пойдет!

- Да почему я?! Ты же на него зуб имеешь, ты и делай!

- Нет, - вновь вздохнула Катя, - у меня не получится.

И, само собой, ее интересовали глобальные исторические личности. Она приехала на дачу к приемному сыну Сталина Артему Сергееву без особого приглашения. Просто позвонила и поперлась. Тому уже было за семьдесят, но он, как жил по гимну: «Артиллеристы, Сталин дал приказ», так и продолжал это делать, несмотря на возраст. Короче, увидев Катю, он восторженно, разгладил давно сбритые гвардейские усики, и пошел в атаку. Та была не против. Но все же семьдесят! Дело ограничилось поцелуями. Катя все происходящее передавала мне, как сводки Информбюро в 43 году. Мы к тому времени общались по телефону. После

расставания она неожиданно позвонила, и попросила редактировать книгу, которую тогда писала, «на слух». В общем, каждый вечер она зачитывала мне очередной кусок, а я говорил, что царапает мой профессиональный слух. Книга получилась, на мой взгляд, трогательной и чистой. Она давно уже издана. А тогда Катя еще рассказывала, что и как у нее с Артемом. Словом, мое знакомство с этим замечательным человеком, было неизбежным.

Выпив пару рюмок коньяка, он сказал: «Ну, мне хватит. А ты продолжай.

Посмотрим, как нынче молодежь удар держит».

Конечно, после такого, я в него влюбился. Личность была незаурядной. Он, прошедший войну артиллерийским комбатом, несмотря на то, что был приемным сыном Сталина, протащивший на себе фронтową пушку от и до, долго, конечно, присматривался. Я ему рассказывал о детстве на прииске Артемовском, в бодайбинской тайге. Прииск был назван в честь его отца, Федора Андреевича, большевика по кличке Артем, авантюриста международного класса, друга Сталина. Он погиб в 20 годах при испытании аэросаней. Беседы были затяжными. Иногда, когда я, держа «коньячную марку», просто засыпал в кресле, появлялась его интеллигентнейшая жена, и, вместо скандала, укрывала меня пледом.

Дошла речь и до плена. Артем рассказывал, рассказывал, как попался, как бежал, потом споткнулся, поглядел на меня, и сказал : «А знаешь, что на самом деле выручило?»

- Да нет. Не знаю.

- Оберег один.

- Какой оберег?!

- 90 псалом.

- Что, правда, что ли?

- Правда, правда. Был момент, я лежал под трупами, и охрана должна была проверить тела, добить, если кто живой. А потом уж вывезти. Я знал это, лежал, и повторял про себя седьмую строфу: «Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся».

- Не приблизились.

- Ну, как видишь. Какой-то у них там шухер случился, не до этого стало, так меня и вывезли с трупами. Ночью отрылся и убежал.

Вот он, этот знаменитый псалом.

1) Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится;

2) Говорит Господу: "Прибежище моё и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю!"

Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы;

3)

4) Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и

ограждение – истина Его.

5) Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем;

6) Язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

7) Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся:

8) Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым,

9) Ибо ты сказал: «Господь – упование моё». Всевышнего избрал ты прибежищем

твоим;

10) Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему;

11) Ибо Ангелам своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих,

12) На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею;

13) На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона,

14) «За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое,

15) Воззовет ко мне, и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его и прослаблю его;

16) Долголетием одарю его, и явлю ему спасение Мое!

* * *

ИСКУШЕНИЕ

("Ты")

Сразу после военно-морского училища Саша попал на огромный противолодочный корабль. И служба, конечно, очень отразилась на его характере. Как-то он обнаружил, что с тоской ждет очередной отпуск. Он, этот отпуск, действовал ему на нервы буквально всем: отсутствием распорядка, вестового, но, главное, необходимостью ложиться спать рядом с человеком, совершенно ему чужим - женой Наташей.

Наташа все чувствовала, и от того, что поделаться ничего не могла, вела себя очень пакостно: уже на второе утро объявила, что храпит Саша как сапожник.

- Откуда она знает, как храпят сапожники? И вообще, храпят ли сапожники?

Вопросы лезли идиотские. Маясь, злясь, закипая, он ждал одного - возвращения на родной "Громобой".

Однажды они, в безнадежной попытке хоть какого-то примирения, затеяли пикник.

Поехали на Третий остров, километров восемь вверх по Витиму. Саша сидел за рулем отцовской "Казанки", с удовольствием ощущая воздух тайги. Наташа безучастно смотрела вперед.

Но все было бестолку. Она вызывала каждым жестом, каждым словом, каждым взглядом, уже не раздражение - что-то похожее на ненависть. Наташа как-то съеживалась, и все время шипела, по поводу и без повода. Ну, это был сущий ад, а не отпуск.

Медведицу Саша увидел уже сидя в лодке. Наташа возилась с рюкзаком около затушенного костра. Зверь бесшумно спускался по заросшему кустарником склону, и целью его точно была Наташа. На Сашу она не обращала никакого внимания.

- К черту, - мелькнуло у Саши, - сейчас рвану на середину... к черту! И все дела! И все...

Но тут перед глазами возникло лицо дочери Любы. Обожаемой, смешливой, конопатой... Саша увидел, как она рыдает... Горячий пот вмиг облил его с головы до ног. Кажется, на мгновение он отключился. - Наташка! - не повышая голоса сказал он.- Иди сюда.

- Счас. Не видишь, рюкзак завязываю, - раздраженно отозвалась Наташа. Она не

видела медведицу, сидела к ней спиной. Оставалось метров пятьдесят.
- Неси его сюда, - также спокойно продолжил Саша, - ну давай, я кому сказал!
В окончании фразы он наконец включил командную ноту. Наташа что-то почувствовала, вскочила, запрыгнула в лодку. Саша оттолкнулся веслом от дна, и посмотрел на зверя. Медведица, проиграв, не стала преследовать. Она развернулась и исчезла в небольшой чаще. Саша рванул стартер "Вихря", выплыл на середину, и они помчались к городу. Он как-то особенно, по животному, ощущал, как речной ветер осушает этот горячий пот.

* * *

ИСПЫТАНИЕ ("Ты")

...Скорее всего, его подвела конституция. Его, собственная, конституция. Он был выше среднего роста, рыхл, тяжеловесен, даже тучен. И, видимо, сердце с трудом справлялось с работой в таком теле. Да еще и пил безбожно.
Вот об этом - я поподробнее. Мы работали в одном здании, но редакции были на разных этажах. Мы жили в одном спальном районе, но на разных трамвайных остановках. Мы были в пределах досягаемости друг друга, но редко этим пользовались. Все дело было в том, что он мне не доверял. И вот по какому случаю. Я развелся, и жил один. Дома бывал редко, все время в разъездах. А когда появлялся, то соседка по площадке, сердобольная женщина Марина, горестно поджимала губы : "Что, приехал! Счас опять друзья да бабы пойдут". И делала неожиданный вывод : " Ты же так, Андрей, желудок себе испортишь. С таким нерегулярным питанием". Однажды предложила : "А давай я тебе, когда будет возможность, готовить буду. Только продукты неси". Я согласился. Как-то принес ей небольшого гуся. Попросил запечь. Марина радостно его ухватила, и сказала заходить после работы.
Так случилось, что именно этим вечером мы с ним провели, в общем-то, обычный рейд: старый ресторан ВТО, ресторан гостиницы "Минск", "Баку"... Но в портфеле у меня лежала бутылка водки, я знал, чем кончится вечер. Домой-то все равно придется ехать. Мы сели на моей кухне, он был, естественно, в курсе всей моей холостяцкой жизни. Никакой серьезной еды у меня не водилось. И вдруг я вспомнил про гуся и Марину. Я молча встал, потом сказал, что пойду переоденусь, и зашел к Марине. Гусь дымился, она завернула его в пергаментную бумагу, и на блюде я внес его на кухню. Развернул. Он молчал и смотрел на птицу расширившимися зрачками. Я взял бутылку. За вечер мы не произнесли больше ни слова. Съели гуся, выпили водку, и он уехал домой. С того вечера рейды наши прекратились. Он вежливо здоровался со мной и сладко фальшиво улыбался. Но и я не стал прояснять ситуацию. А потом его подвело сердце и он умер. А я так и не узнал, что же он обо мне подумал. И это было моим испытанием - естественно, много раз хотелось объясниться. Но я его зачем-то выдержал.

* * *

ЖИЗНЬ

Есть человек, как правильно говорит Прилепин в предыдущем посте. А есть жизнь. Кроме всего прочего, есть жизнь, и есть жизнь. Сейчас я попытаюсь объяснить, о чем речь.

"И каждый будет наказан, и каждый награжден, и ничего нельзя постичь, и все при этом просто и легко." Опять таки цитата из предыдущего поста. Но я бы добавил - бывает, что наказание органично входит в награждение.

Один человек, после того, как его выгнали со всех постов во всех редакциях, начал зарабатывать на хлеб тем, что вел профессиональные (по его мнению) фотосъемки на международных выставках, на Красной Пресне, в Сокольниках. Снимал жизнь и заботы фирмачей, привезших свои товары на показ. Через какое-то время он понял, что на этих съемках можно заработать не только на хлеб, но и на всякие другие сопутствующие товары. Но для этого нужно уметь искать не только нужный ракурс, но и мозгами шевелить. А это у него как раз неплохо получалось. За что и повыгоняли отовсюду. И однажды, когда этот человек делал панорамную съемку, раскорячившись на балках под куполом павильона, он увидел замечательную по драматургии картину. В одном павильончике - а они все без крыш стояли - итальянский капиталист, собака, имел советскую проститутку, птичку. Так он подумал тогда. Человек бросил панорамную съемку и сосредоточился на захватывающем действе. Он истратил на него дороговую по тем временам пленку для цветного фото, но снял жизненно важный материал. Слезая с балок, он прикидывал, сколько денег, и в какой валюте, сдерет с толстосума. И что можно поиметь с птички - проститутки. А что с нее можно поиметь... Вот именно. Он ждал развязки. И она не замедлила себя ждать. Через некоторое время из павильона вышла трудящая девушка. В руках у нее был прозрачный белый полиэтиленовый пакет. Человек опытным взглядом тут же определил содержимое - по конфигурациям бутылок - виски, водка, "Чинзано", сушняк итальянский... Сердце его почуяло неладное. Но сдаваться человек не собирался. Он догнал птичку. Предложил товар. И тут же был грубо послан птичкой в жопу. "Понял, - сказал человек. А сам подумал. - Ну что с нее взять. Дитя социализма!" В разговоре (ну, якобы интервью) с итальянцем, он сначала фальшиво поинтересовался делами фирмы, и только потом перешел к основному животрепещущему вопросу. Итальянец оказался очень добрым человеком. Он катался по небольшому диванчику, вытирая слезы, выступившие от смеха. Всем заглядывающим в комнатку он объяснял что-то на итальянском. Люди ржали без устали. Человек уже хотел назвать сумму, которую он, в процессе, снизил на порядки, как вдруг итальянец, не переставая смеяться, сказал : " Беллissimo! Сейчас...джаз момент....презент..." Он ушел в закуток, и вернулся через минуту. В руках у него был белый прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором опытный взгляд фотохудожника машинально зафиксировал: "виски, водка, "Чинзано",

сушняк итальянский..." Сделать в этой ситуации уже ничего было нельзя. Он покорно попрощался. "Это жизнь" - утешал он себя, выходя с выставки.

* * *

ПОБЕДА

В высоких широтах, в Арктике, а если совсем точно - в поселке Черском, откуда обычно летали на станции Северный Полюс, жили и работали совсем уж удивительные люди. Так вот Лев Афанасьевич Вепрев, настоящий полярный ас, и среди них выделялся своим мужеством и профессионализмом. Это был современник - герой. Который вот он, пощупать можно.

У Льва были массивные золотые часы "Победа". Он ими, естественно, гордился и дорожил. И еще они были жутко дорогие. И он их с руки не снимал, так они и сидели на ней, как родные, как плоть, что ли. Однажды я полетел с ним на "подскок". Это такая опасная штука, ищут льдину для СП методом тыка. То есть, на "Ан-2" выбирают ее сверху, гидрологи и пилоты, а потом проверяют - то это или нет. И вот нашли, то, что нужно, и Лева, пока ребята коловоротом бурили лед, вышел из "Аннушки", размяться. В машине никого не осталось - второй пилот, и я, корреспондент, помогали полярникам. По очереди мы вращали коловоротом. Лева подошел к нам, а "Аннушка" начала оседать.

Когда мы это заметили, самолет уже "по пояс" ушел под лед. Лева сел на снег, и в глазах у него появились слезы. Мы очень все удивились: от него это невозможно было ожидать. Потом рация была, тут же сообщили в Черский, льдина основательная.

"Часы, - прошептал Лева, - в кабине оставил". Нет, воля ваша, все равно, тут что-то не то было. Не мог Вепрев плакать из-за часов. Даже таких...

"Я их проиграл вчера, - он опять не говорил, шептал, - в буру. Дали поносить на денек. Часы..." Этому горю помочь уже никто не мог. "Аннушка", забурлив, печально ушла дно Ледовитого с лавиной "Победой".

* * *

АРКТИКА

У Гарика Сукачева есть давнишняя песня: "Знаю я, есть края..." Там романтика отношений людей, которые живут незнамо где. Да и вообще, сквозит: а есть ли на самом деле такие места? Я, конечно, упрощаю. Смысл гораздо глубже. Но я, пес конъюнктурный, специально все передергиваю, чтобы свою байку было удобно рассказать. Короче говоря, есть места.

Все майские праздники в 80 каком-то году у входа в аэропорт Черский вас встречал

ладный молодой штурман-татарин, брал под локоток, вел к скамейкам, к кассам, куда вам надо, туда и вел. Вахит Загидуллин отрабатывал карточный долг. Полярка в тех местах давит безбожно, темно круглые сутки, и все время хочется спать, спать, спать...Что я и делал, когда мы где нибудь садились, отлетав свое, отработав задание. Все происходило в высоких широтах, в Арктике. Я заходил в жилой домик пилотов очередного аэропортика, и заваливался. А экипаж чинно садился играть в буру. Деньги они получали хорошие, и у каждого в полете меньше 2-3 тысяч не было. Как-то, приподняв голову от подушки, я увидел смертельно бледное лицо Вахита. Он только что продул 5 тысяч. Вахит через день должен был играть свадьбу с одной хорошей девушкой. Но карты есть карты. И пилоты уже вставляли, чтобы разойтись по делам. Я не удержался, встрял: " Ребята, дайте ему отыграться. Он же повесится". "Он полночи отыгрывался.Только дальше залезает. Не, нельзя. Потеряем товарища окончательно". Я распахнулся и сказал, что больше ноги моей не будет в их ИЛ14. Буду ждать другой борт. В общем, долго судили-рядили, можно ли карточные долги по дружбе улаживать, и решили - простим, но должен все майские праздники людей в здание аэропорта заводить, ублажать, и вообще... Потом до меня дошло, что они хохмят. Я опять лег спать.

* * *

СУДЬБА

Звоню в учреждение районного масштаба. Спрашиваю, кто из специалистов может ответить на мой вопрос. Мне отвечают:"Этим занимается товарищ Берензон". "А можно товарища Берензон?" "Товарищ Берензон вышла. Звоните позже". Через час : "Товарища Берензон..." "Вышла". Через два - вышла. Через три, четыре, через пять звоню и думаю только об одном - не перепутать фамилию. Не назвать товарища Берензон товарищем Робинзон. Наконец мне говорят: "Сейчас". Милый женский голос тянет в трубке: "Алле". Я тупо спрашиваю: "Товарищ Робинзон?!" В ответ гудки. Жду час, перезваниваю: "Можно товарища Берензон?" "Товарищ Берензон вышла". Я перестал искушать судьбу. Забыл этот номер. Ниже художник изобразил мою покорность коварным обстоятельствам.

* * *

Украинский журналист и политолог Александр Жилин: "Я уроженец Украины. Поэтому имею право сказать. Ну, что, хохлы, мы можем себя поздравить! Всё, что произошло в стране – от начала Майдана до назначения американцами своим вассалом-презиком миллиардера Порошенко, по уровню кретинизма значительно превзошло даже несравненную Псаки!

Отныне мы первые в этом деле и единицей измерения кретинизма становится не одна псаки, а одна украинка. Под какими лозунгами нас, хохлы, привели порошенки-яценюки на Майдан? Долой власть коррупционеров, нет олигархату во власти, народу – народную власть, в правительство честных представителей народа, Украина – прежде всего, наша цель ассоциация с ЕС и пр. Что получили в итоге?

Жертвы, которые шокируют. Во власти нет Януковича. Все остальные на месте! Все коррупционеры остались во власти! От экономического соглашения с ЕС новая-старая власть отказалась, чтобы не иметь конкурентов и не позволить снизить цены на производимые олигархами во власти товары. Впервые в истории Киев возглавил интеллектуальный инвалид, от спичей которого оторопь берет даже психиатров! На его фоне даже Лёня Космос (экс-глава СБУ Леонид Черновецкий. – «NewsBalt») выглядит доктором наук...

Украина разрушена. Крым ушёл. Новороссия уходит. В стране разразилась самая страшная из всех войн – гражданская. Если до Майдана президентами были ставленники олигархов, то после одного презиком стал олигарх! Экономика окончательно рухнула и её остатки за копейки дозаберут олигархи. Остатки Украины потеряли даже призрачную независимость. С одной стороны, Вашингтон с его внешним управлением. С другой – ЕС, которому нужна помойка для сброса хлама ради поддержания своей экономики. С третьей, Россия с её энергоресурсами и угрозами закрыть свой рынок, без которых Украине остаётся лечь в гроб.

Граждане хохлы, мы оплатили и продолжаем оплачивать кровью народа своё порабощение олигархатом, потерю даже формального влияния народа на власть, колонизацию страны. Нас ждут жуткие времена уже в ноябре этого года! Но самое страшное для нас то, что окончательно расплевавшись с Россией, мы потеряли право на своё любимое национальное занятие - скулить о тяжёлой доле и кланчить подачек! Мы уже не имеем даже права стоять с протянутой рукой, в которую более никто ничего не даст из чувства брезгливости. Халява больше нам не светит! Мы хотели стать нацией победителей, а стали нацией прокажённых кретинизмом. Там, где у других наций и народностей находятся мозги, у нас есть только убеждение, что во всём виноват Путин!

Но нам от этого не легче. От этого легче только поработившим, закабалившим и продолжающим обирать нас олигархам, которые канализируют наше негодование от себя в сторону Кремля. Мы - самые отборные, самые круглые и самые крупные кретины в мире! Гордимся своим мировым первенством, граждане хохлы!

Продолжаем скакать по граблям и кричать..."

* * *

"СМЕРТЬ В ПОЛДЕНЬ"

Париж, Эрнест Хэмингуэй в кафе "Closierie des Lilas", "Клозери де Лиль", "Сиреневый хутор", ждет, пока бармен сотворит его любимый коктейль "Смерть в полдень", сначала, на дно бокала, 30 мл.абсента, потом аккуратно, сохраняя пузырьки, 150 мл холодного шампанского, в себя залпом, и в угол, за столик, писать. Здесь когда-то именно так он написал "Фиесту".

Я ее тоже залпом, за полдня и ночь, сразу по окончании 8 класса, на чердаке дома... Мама, забеспокоившаяся, с веселыми матерками (она была экон. директором ремонтного завода, непосредственный контакт с рабочим классом, все умела), поднялась проверить, насколько целомудренным было затворничество, и не застав Нинку, на которую и думала, рано оформившуюся девочку из нашего класса, ушла, ничего не поняв толком. И как только я закрыл последнюю страницу манифеста моей жизни на несколько десятилетий, Нинка появилась. Очень кстати.

* * *

ПРОФЕССИОНАЛЫ

Это профессиональный игрок в покер. Я в карты не играю лет с 13. Проиграл тогда взрослым ребятам в "очко" 30 рублей, сумму для пацана в 60 годы фантастическую. Кое-как выбрался из ситуации (продал новые папины туфли, сознался, был подвергнут) и с тех пор даже в "дурака" не сажусь. Но это ничего не значит. Потому что мужика на фото я невольно уважаю. Он профессионал. У меня был знакомый разведчик, без дураков, настоящий, в свое время сыграл роль связного между Кеннеди и Хрущевым в момент Карибского кризиса. Когда я с ним познакомился, Георгий был уже болен, пил сильно. Сдавал, короче. Но в любом состоянии, придя в куда-либо в первый раз, он говорил : "Я сейчас, ребята". И пропадал минут на пятнадцать. Он "проверялся", нет ли слежки, хвоста. Я злился : "Да кому вы сейчас уже нужны!" Он безропотно соглашался, разводил руками - ничего, дескать, поделаться с собой не могу. Или еще один, литературовед. Он, мне кажется, еще в роддоме начал писать критику. Так у него что-то в животе забурлит, и это - "неладно что-то в Датском королевстве". Иначе он ни с кем не разговаривал. Это профессионализм. Он в крови. Я и сам иногда ловлю себя...В поезде, остановились на какой-то станции, я в купе, у окошка. Напротив, на перроне, стоит девчушка, очень симпатичная. Мы встретились глазами. Она сначала смотрела серьезно, потом вдруг смешно улыбнулась. Мне стало хорошо. "Как органично...в предпоследний эпизод "Тайги". "Тайга" - это затеваемая, даже

еще не начатая, повесть.

* * *

ОПЯТЬ ПОЭТЫ

Поэты - другие. У них поведенческие мотивы просчитываются иначе. Это, просто, надо знать. Нет, когда делаешь эту "поправку на ветер" (артиллерийский термин, между прочим), то понимаешь их. Как-то был приглашен поэтом Олегом Хлебниковым на поэтический вечер Амарсаны Улзытуева. Мне понравились и стихи, и манера чтения (горловая, напоминает тувинские мотивы) Амарсаны. В конце выступления он сказал, что сейчас прочитает какие-то особенные стихотворения. Только ему надо их найти. И он начал их искать - рылся в листочках, разбросанных по столу. Рылся 7, 10, 12 минут. Хлебников, как и мы, терпеливо ждавший, сказал: "А давайте теперь я почитаю".

Потом я его спросил, что это с Амарсаной произошло - провал в памяти? "Ну, - ответил умудренный Хлебников, - я до конца не уверен, что он знал, какие именно стихи ищет". Помолчал, и добавил: "Более того, я не уверен и в том, что они, именно эти стихи, вообще написаны. Хотя сам Амарсаны об этом не догадывается. Да это обычное дело. Классика." "Классика?" "Конечно. Ты что, разве не знаешь, что Михаил Юрьевич написал знаменитое "На смерть поэта" еще до дуэли Пушкина с Дантесом?!"

* * *

ВСЕ - В ПЕРВЫЙ РАЗ

Первым провокатором в моей жизни была собственная мама. За что я ей до сих пор благодарен. Ну, она много чего умудрялась внедрить в мое мальчишеское прайвеси. И, что удивительно, почти всегда ей это удавалось. Вот и в то лето, было мне лет 13, наверное, и она, как-то, вскользь, заметила, что я, по сути, барчук, белоручка, поскольку не знаю, что такое настоящий физический труд. Меня заело, кончались летние каникулы, а в нашем городке строили трехэтажное здание Дома быта. Я пошел, нанялся на работу. Бригада была сплошь женская. Да и вся стройка, почему-то, лежала на хрупких женских плечах. И девушки сразу на меня свалили мужское занятие - носить ведра с жидким бетоном на уже почти достроенный третий этаж. Пару дней я вообще рук не чувствовал. Потом, как-то привыкли они, и, уже, казалось, что это обычное занятие. И все же - когда наступило 1 сентября, я первый раз в жизни украдкой перекрестился.

* * *

Тувинский журналист и культуртрегер, Роман Тас-Оол.

У Романа много всяких достоинств.

Иногда он берёт специально для этого припрятанную рогатину, и стремится "пойти на медведя".

Но о состоянии, названном мной деликатно "пойти на медведя", обычно знают заранее и медведи, и окружающие.

Кончается столом переговоров.

Шучу.

Чтобы Рома пришёл в такое состояние, не знаю, что надо сделать.

А лучше - не делать этого.

Потому что потом строй все по-новой.

* * *